

© 2022 г. Е.А. ОСИПОВ

К ВОПРОСУ О ДОЛГАХ ЦАРСКОЙ РОССИИ. СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1926–1927 годов ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА МИД ФРАНЦИИ

Осипов Евгений Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: eaossipov@gmail.com

Scopus Author ID: 57213980973; *ORCID:* 0000-0001-8907-4580

Аннотация. В статье на основе материалов из архива МИД Франции, большая часть из которых до сих пор не была введена в научный оборот, рассматриваются подготовка, ход и итоги советско-французской конференции 1926–1927 гг., в рамках которой обсуждался вопрос выплаты долгов Российской империи. Французские документы показывают, что советская сторона с самого начала обозначила, что вопрос выплаты царских долгов для нее в силу экономического положения в стране неразрывно связан с предоставлением кредитов. Французская делегация, хотя и не признавала связи между двумя этими вопросами, была готова обсуждать их параллельно и показывала реальную заинтересованность и в урегулировании долгового вопроса, и в предоставлении кредитов. Несмотря на значительные разногласия, позиции делегаций в ходе переговоров постепенно сближались, были согласованы конкретные цифры и детали по ключевым вопросам, достижение взаимоприемлемого результата казалось вполне возможным. Активным сторонником достижения договоренностей с Москвой был посол Франции в СССР Жан Эрбетт. Он неоднократно писал в Париж, что французской промышленности очень важен советский рынок, тем более что конкуренты Франции уже были там. Также он предполагал, что в случае успеха Парижской конференции советское государство перестало бы вести идеологическую пропаганду против Франции, как это произошло по отношению к Германии после Рапальского договора 1922 г.

Однако приход к власти во Франции в июле 1926 г. правительства Национального объединения во главе с Раймоном Пуанкаре вместо конструктивно настроенного по отношению к СССР Левого блока и особенно обострение британо-советских отношений с последующим разрывом дипломатических отношений между Москвой и Лондоном способствовали росту антисоветских настроений во Франции и, как следствие, ужесточению французской позиции на переговорах, что привело в итоге к провалу конференции. Проиграли от этого прежде всего французские держатели российских ценных бумаг.

Ключевые слова: внешние долги, внешние займы, СССР, Франция, внешняя политика, международные отношения, дипломатические переговоры, финансы, кредиты, Х.Г. Раковский.

Е.А. Osipov

On the Question of the Debts of Czarist Russia. The Soviet-French Conference of 1926–1927

Evgeny Osipov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: eaossipov@gmail.com

Scopus Author ID: 57213980973; *ORCID:* 0000-0001-8907-4580

Abstract. In this article based on materials from the French Ministry of Foreign Affairs archive, most of which have not yet been introduced into the academic circuit, the author examines the preparation, progress, and results of the Soviet-French conference in 1926–1927, where the question of repayment of debts of the Russian Empire, as well as the possibility of France's loans to the USSR were discussed. French documents show that the Soviet side from the very beginning indicated that the issue of paying off royal debts for it, due to the economic situation in the country, was inextricably linked with the provision of loans. The French delegation, although it did not recognize the connection between these two issues, was ready to discuss them in parallel and showed a real interest both in settling the debt issue and in providing loans. Despite considerable disagreement, the positions of the sides gradually converged during the negotiations, specific figures and details on key issues were agreed on, and a mutually acceptable outcome seemed quite possible.

However, the coming to power in France in July 1926 of the National Bloc government, headed by Raymond Poincaré, instead of the Left Bloc, which was constructively disposed towards the USSR, and, especially, the Anglo-Soviet flare-up, followed by a breakdown in diplomatic relations between Moscow and London, led to a rise in anti-Soviet sentiment in France and, consequently, a hardening of the French negotiating position, which ultimately led to the failure of the conference. French holders of Russian securities were primarily the ones who lost out.

Keywords: foreign debts, foreign loans, USSR, France, foreign policy, international relations, diplomatic negotiations, finances, credits, Christian Rakovsky.

Тема долгов Российской империи была ключевой для отношений молодого советского государства с европейскими странами в 1920-е годы. Сохранила она свою актуальность и в последующие десятилетия. До сих пор в информационном поле иногда появляются сообщения о новых судебных процессах и попытках наследников держателей российских ценных бумаг снова поднять вопрос о выплатах.

Для советско-французских отношений вопрос о царских долгах имел особое значение. Основными кредиторами дооктябрьской России были Великобритания и Франция, на которые приходилось более 80% всего внешнего долга (47 и 35% соответственно)¹. В конце XIX — начале XX в. во Франции проводилась широкомасштабная кампания в поддержку приобретения русских ценных бумаг. Лозунг «Одолжить России — это одолжить Франции» стал ее символом². В 1910 г. из каждых трех иностранных облигаций, обращавшихся на французской бирже, одна была российской, а в Париже в 1894–1914 гг. находился специальный представитель Министерства финансов России Артур Рафалович, который непосредственно «на месте» внимательно следил за продвижением российских ценных бумаг³. Таким образом, Декрет ВЦИК «Об аннулировании государственных займов» от 21 января 1918 г., по которому все займы, «заключенные правительствами российских помещиков и российской буржуазии», были аннулированы, стал особенно сильным ударом по Франции. Важно, что значительную часть царских долгов во Франции составляли частные займы, соответственно, их возврат автоматически превращался в важную составляющую французской внутренней политики.

В акте от 28 октября 1924 г. о дипломатическом признании СССР Францией была специально прописана необходимость возврата долгов: «Ввиду этого оно (французское правительство. — *Е.О.*) особо оговаривает права французских граждан, основанные на обязательствах, принятых Россией или ее подданными при предшествующих правительствах, соблюдение которых гарантировано общими принципами права, остающимися для нас основами международных взаимоотношений... Руководствуясь этим и желая еще

¹ Хейфец Б.А. Внешние займы и долги царской России: история и современная ситуация // Россия и современный мир. 2002. №1 (34). С. 94.

² Раздорский Е.А. «Русские займы» во Франции: история размещения и текущее состояние дел // Современная научная мысль. 2016. № 1. С. 22.

³ Хейфец Б.А. Указ. соч. С. 93; Straus A. Les négociations franco-soviétiques sur les emprunts russes // Les crises de la dette publique. Sous la dir. Gérard Béaur et Laure Quennouëlle-Corre. Paris, 2019. P. 319.

раз служить интересам мира и будущего Европы, правительство республики преследует целью найти совместно с Союзом справедливый и практический выход, который позволил бы восстановить между двумя нациями нормальные дипломатические и торговые взаимоотношения, в случае, если французское доверие найдет справедливое удовлетворение»⁴. Важно отметить, что советская сторона в 1924 г. подтвердила готовность к диалогу по долговым вопросам: «Всемерно приветствуя предложение французского правительства о полном восстановлении нормальных дипломатических сношений между Союзом ССР и Францией с немедленным обменом послами и о безотлагательном открытии переговоров, имеющих целью установление дружественных отношений между народами Союза ССР и Франции, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР выражает уверенность в том, что по всем вопросам, упомянутым в телеграмме председателя совета министров Французской республики от сегодняшнего дня, может быть достигнуто соглашение между обоими государствами к величайшей выгоде для народов Союза ССР и Франции, при наличии доброй воли с обеих сторон и безусловного уважения к их взаимным интересам»⁵. Таким образом, в 1924 г. Москва и Париж подтвердили взаимное намерение решить вопрос с долгами и начать переговоры на эту тему.

И в российской, и в зарубежной историографии есть множество работ, посвященных вопросам выплаты царских долгов. Однако история проведения советско-французских переговоров по этой теме в 1926–1927 гг. изучена на недостаточном уровне. Исключением является монография Г.И. Чернявского, М.Г. Станчева, М.В. Тортикой⁶, посвященная биографии Х.Г. Раковского, главы советской делегации на переговорах. Книга вышла в России в 2014 г. и написана на российских архивах, в ней в том числе отражена роль Раковского на переговорах с Францией. Что касается данной статьи, то она основана на обширных материалах архива МИД Франции, большая часть из которых до этого не была введена в научный оборот ни в России, ни во Франции. Использование французских архивов позволяет дополнить собранный российскими биографами Раковского материал и восстановить полную картину советско-французской конференции 1926–1927 гг.

Контакты между Парижем и Москвой по долговой тематике начались в 1925 г. В сентябре 1925 г. нарком внешней торговли СССР Л.Б. Красин представил советскую позицию в официальном письме, в котором речь впервые шла уже о конкретных цифрах. Москва заявила о готовности рассмотреть возможность расчета золотом на процентной основе, соответствующей примерно двукратной номинальной стоимости на фондовом рынке ценных бумаг, выпущенных или гарантированных бывшими российскими правительствами и находившимися во владении французов на момент признания СССР Францией в 1924 г.⁷ В качестве необходимого условия для выплаты долгов указывалось предоставление Францией СССР кредитов на 5–7 лет на сумму, соответствующую сумме выплачиваемых долгов. Министерство финансов Франции отвергло советские предложения с формулировкой, что они «не могут быть базой для начала переговоров»⁸.

В декабре 1925 г. в Париже нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин и Х.Г. Раковский на встрече с председателем Совета министров Франции А. Брианом предложили возобновить переговоры на более высоком уровне в виде полноценной советско-французской конференции, в ходе которой можно было бы обсудить весь комплекс вопросов, мешавших полноценному развитию советско-французского сотрудничества. Советские представители заявили при этом, что Москва готова выдвинуть предложения, которые будут более приемлемыми для французской стороны. Таким образом, идея проведения

⁴ Правда. 29 октября, 1924.

⁵ Там же.

⁶ Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В. Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М., 2014.

⁷ Archives du ministère des affaires étrangères (далее – АМАЕ). Conférence franco-soviétique de Paris. 1926–1927. № 1. Section financière. Règlement de la dette russe et crédits.

⁸ Ibidem.

советско-французской конференции (во французских источниках ее стали называть Парижской) появилась в декабре 1925 г. и была поддержана обеими сторонами⁹.

Конференция открылась 25 февраля 1926 г. Интересно, что в советской делегации, прибывшей в Париж, в качестве секретарей были две женщины, в то время как французская состояла исключительно из мужчин¹⁰. Главой советской делегации был Раковский, французскую возглавлял Анатоль де Монзи. Первые же обмены мнениями показали, что позиция Москвы, действительно, стала более приемлемой для Франции. Советская делегация признавала, что выплата долгов является необходимым шагом, Раковский говорил по этому поводу, что «мы больше не в Генуе»¹¹, имея в виду, что в 1922 г. на конференции в Генуе Москва выдвигала западным странам встречные финансовые претензии, связанные с ущербом из-за иностранной интервенции в годы Гражданской войны. Однако выплату долгов советская делегация на Парижской конференции изначально связывала с рядом условий.

Как и раньше, выплата долгов для Москвы по-прежнему находилась в прямой зависимости от предоставления СССР кредитов. Москва также отказывалась от отмены декретов об аннулировании долгов и национализации иностранной собственности. Таким образом, юридически речь шла не о возврате царских долгов, а о частичном урегулировании финансовых претензий частных (не государственных) французских владельцев русских ценных бумаг. Москва обращала внимание и на то, что СССР не единственный правопреемник Российской империи, соответственно, и долговое бремя должно распределяться между всеми правопреемниками. Москва изначально готова была взять на себя не более 70% долга¹².

Учитывая, что Франция была одним из крупнейших кредиторов Российской империи, она была заинтересована в итоговом успехе конференции. Именно поэтому французская делегация не выдвигала требования по отмене советских декретов об аннулировании долгов и национализации промышленности в качестве предварительных условий для переговоров. Франция отказывалась увязывать тему долгов с выдачей кредитов для СССР, однако была готова рассматривать эти вопросы параллельно, прекрасно понимая, что экономическое положение СССР не позволит Москве выплачивать долги без иностранных кредитов. Более того, позиция французской делегации заключалась в том, что Франция объективно заинтересована в выдаче кредитов Москве, поскольку это позволит не только решить сложную и важную проблему долга, но и поможет закрепиться на советском рынке, который после неизбежной экономической и монетарной стабилизации мог стать одним из самых перспективных в мире¹³. Главная проблема для французов заключалась в том, что даже в случае частичного урегулирования (без аннуляции декретов) долгового вопроса выплаты были бы растянуты на много лет, а кредиты СССР надо было предоставлять сразу, такое решение могло бы вызвать негативную реакцию французской общественности и особенно парламента. Однако в целом изначальные переговорные позиции обеих сторон вызвали осторожный оптимизм. И в Москве, и в Париже надеялись на итоговый успех конференции.

Регламент предполагал разделение работы на четыре секции: юридическую, экономическую, финансовую и политическую. Французская делегация рассчитывала, что юридическая секция, в рамках которой в основном обсуждалась судьба действовавших ранее соглашений между Российской империей и Францией, завершит свою работу уже к середине марта 1926 г. Экономическая секция, где в том числе обсуждался вопрос о режиме наибольшего благоприятствования в торговле, по плану французской делегации должна была завершить свою работу во второй половине апреля 1926 г. Самой тяжелой

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid. Séance inaugurale. Procès-verbal. 25.02.1926.

¹¹ Ibid. Section financière. Règlement de la dette russe et crédits.

¹² Ibid. Règlement de la dette russe et crédits.

¹³ Ibid. Séances plénières. Procès-verbaux. I.

изначально считалась финансовая секция, в рамках которой должен был быть решен вопрос долгов и кредитов. В Париже предполагали, что к маю 1926 г. удастся прийти к компромиссу. После этого политическая секция уже могла бы подвести итоги конференции. Важно, что в рамках работы экономической секции французская делегация изначально планировала представить Москве свой вариант соглашения, а по финансовой части французы предполагали дождаться конкретных советских предложений¹⁴.

С самого начала работа конференции затягивалась. В первый месяц не произошло никаких знаковых событий. Представители французской делегации писали в тот момент о сомнениях в достижении итогового результата¹⁵. Несмотря на изначальное намерение дожидаться предложений от Москвы, 30 марта 1926 г. французы передали советской стороне меморандум с предложениями по финансовой секции. В нем представители Франции объясняли, что французские держатели долга хотя и готовы пойти на значительные уступки, но они отказываются от изменения юридической природы долга. В связи с чем французская сторона выступает за отказ от юридических новаций при решении долговой проблемы. Также французы считали необходимым подключение к переговорам других правопреемников Российской империи для комплексного решения проблемы. Конкретные предложения французской стороны звучали следующим образом: урегулирование долгового вопроса должно происходить в золотых франках, правительство СССР берет на себя обязательство по выплате аннуитета (годовая выплата), единовременная сумма которого устанавливалась на первые два года. Сумма этого аннуитета должна была позволить возобновление обслуживания российского долга в соответствии с процентом, который сопоставим с аналогичными случаями других стран-должников¹⁶. Иными словами, французская сторона предлагала временное решение проблемы на первые два года, ожидая, что монетарная ситуация в СССР может стабилизироваться и тогда возможно было бы продолжить переговоры уже на новых условиях.

Посол Франции в СССР Жан Эрбетт писал в Париж, что в Москве французский меморандум был раскритикован на высоком уровне. По мнению советских руководителей, французы требовали «размер аннуитета больше, чем царская Россия должна была бы платить, если бы еще существовала»¹⁷. А председатель ВЦСПС М.П. Томский в своем выступлении усомнился в серьезности французского стремления к достижению соглашения. Тем не менее советское руководство выступило за продолжение переговоров¹⁸. Советский ответ на французский меморандум состоялся 14 апреля 1926 г. В документе, переданном французской стороне, отвергалась идея временного урегулирования долга, Москва настаивала на окончательном решении вопроса. СССР предлагал установить ежегодную выплату в размере 40 млн золотых фр., включавших в себя и проценты, и амортизацию долга, на 62 года. Вначале сумма аннуитета должна была быть меньше и только лишь по прошествии трех лет достичь 40 млн золотых фр. Соглашение должно было вступить в силу после ратификации обеими сторонами и, что самое главное, после решения о предоставлении Москве кредитов¹⁹.

Советский ответ на французский меморандум от 30 марта 1926 г. был довольно жестким. Французы предлагали установить «переменный индекс», который мог бы меняться в зависимости от экономической ситуации в СССР²⁰. Обычно подобная процедура устанавливалась победителями в войнах по отношению к проигравшей стороне. Москва не считала себя проигравшей стороной и вполне справедливо восприняла подобное предложение как неуверенность Парижа в долговечности советского государства и как

¹⁴ Ibid. Délégation française. Réunions préparatoires. 25.02.1926.

¹⁵ Ibid. Section financière. Règlement de la dette russe et crédits.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibid. Télégramme de Jean Herbette № 355. 15 avril 1926.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibid. № 2. Délégation de l'U.R.S.S. en France. № 149. 14 avril 1926.

²⁰ Ibid. № 1. Etat des travaux de la conférence franco-soviétique. 31 mai 1926.

обстоятельство, идущее вразрез с советской экономикой, основанной на долгосрочном планировании. Также в СССР отвергли идею привлечения всех правопреемников Российской империи к переговорам. В Москве считали, что доля других стран в общем долге Российской империи составляет 30%, и СССР не несет ответственности за нее, соответственно, долги других правопреемников должны обсуждаться отдельно и без участия советской делегации. Пункт о том, что урегулирование долга возможно только после предоставления Москве кредитов, был написан также в достаточно жесткой для Франции форме. В ходе переговоров по данному вопросу советская делегация настаивала на предоставлении кредита в размере 450 млн руб. (примерно 1,1 млрд фр.), из которых 2/3 должны были составить заказы у французских промышленников, а 1/3 — в денежной форме²¹. Промышленность Франции была очень заинтересована в подобных заказах, и в целом французская делегация была готова пойти на предоставление большого кредита Москве. Но, как уже упоминалось выше, в Париже опасались реакции общественности и парламента на прямое уязвление кредитов с темой выплаты долгов.

Наличие же в советском ответе от 14 апреля 1926 г. конкретных цифр по урегулированию долга было скорее положительным моментом, хотя французская сторона рассчитывала на более значительную сумму (изначально Франция настаивала на 125 млн золотых фр. в год, впоследствии запрашиваемая сумма снизилась до 75 млн)²². В целом, на середину апреля 1926 г. между советской и французской делегациями было достигнуто соглашение, что выплаты должны быть в золотых франках и в фиксированных годовых платежах. По самым же важным вопросам (сумма долга, продолжительность выплат, правовой статус долговых обязательств, участие других стран-должников) к компромиссу на тот момент прийти не удалось.

Через неделю после советского ответа, 21 апреля 1926 г., французская делегация отклонила советские предложения и снова выдвинула Москве условия, прописанные в меморандуме от 30 марта 1926 г. Стороны договорились продолжить переговоры. В ходе визита Раковского к генеральному секретарю МИД Франции Филиппу Бертело в мае 1926 г. руководитель советской делегации справедливо отмечал, что «переговоры идут вокруг психологической черты: максимум, который СССР может заплатить, и минимум, на который Франция может согласиться»²³.

Разногласия были глубокими. По обоюдному решению редакционная комиссия финансовой секции получила задание проработать в течение мая 1926 г. компромиссные решения, которые позволили бы сдвинуть переговоры с мертвой точки. В начале июня 1926 г. французская делегация заявляла о распространявшихся в Европе слухах о возможном провале конференции и, соответственно, о необходимости активизировать совместную работу. В финансовой секции, по мнению Монзи, по-прежнему оставались серьезные разногласия, но по сравнению с началом конференции они уже не выглядели непреодолимыми²⁴.

Редакционный комитет финансовой секции согласился с советской позицией и разделил царские долги между правопреемниками Российской империи. В переговорах с Москвой, таким образом, речь теперь шла о 75% (до этого советская делегация заявляла о 70%) долгов Российской империи²⁵. В вопросе о кредитах — ключевом для СССР — также произошло продвижение вперед. Стороны детально обсуждали предоставление Москве кредита в размере 225 млн долл. (примерно 436 млн руб.). Советская делегация представила развернутый проект того, в каких отраслях французской промышленности могли бы быть размещены 2/3 кредитной суммы²⁶.

²¹ Ibid. Visite de M. Rakowsky à Berthelot. 10 mai 1926.

²² Ibid. Note sur l'attitude à adopter pour la suite des pourparlers franco-soviétiques. 19 juillet 1927.

²³ Ibid. Visite de M. Rakowsky à Berthelot. 10 mai 1926.

²⁴ Ibid. Séance plénière du 7 juin 1926.

²⁵ Ibid. Etat des travaux de la conférence franco-soviétique. 31 mai 1926.

²⁶ Ibid. № 2. Schéma des crédits à long term accordés par la France à l'U.R.S.S.

Что касается выплаты долгов — ключевого вопроса для французской стороны, — то к компромиссу прийти не удалось. Москва в июле 1926 г. улучшила свое предложение: выплата аннуитета по 60 млн золотых фр. в течение 62 лет, но с прогрессией, т.е. сумма годовых выплат должна была постепенно увеличиваться с 40 млн и достигнуть 60 млн золотых фр. только через 20 лет после начала выплат. Французская делегация была согласна с продолжительностью выплат (62 года), но рассчитывала на более значительные ежегодные выплаты — 75 млн золотых фр.²⁷

20 июля 1926 г. в связи с наступлением летних каникул было решено сделать перерыв в работе конференции до осени, однако в реальности конференция возобновила свою работу только 19 марта 1927 г. Главный вывод по итогам первого года работы для обеих делегаций заключался в том, что конференция затягивается. Тем не менее стороны придерживались сдержанного оптимизма. Серьезным шагом вперед стало начало обсуждения конкретных цифр в вопросе выплаты долга и предоставления кредитов, позиции делегаций постепенно сближались в ходе переговоров.

За две недели до возобновления Парижской конференции, 5 марта 1927 г., посол Франции в СССР Жан Эрбетт писал в Париж о важности переговоров для французской стороны. В частности, он в качестве позитивного сигнала отметил, что за переговоры по кредитам в советской делегации отвечает один из руководителей промышленности СССР А.О. Гуревич, впоследствии ставший начальником Главного управления металлургической промышленности Наркомата тяжелой промышленности СССР. Эрбетт описал Гуревича как человека «исключительно компетентного»²⁸ и имеющего идеи, которые могут быть очень интересны для французской стороны. Гуревич предлагал на полученные кредитные средства заказать во Франции строительство в СССР пяти электростанций и одного большого металлургического завода. Планировались заказы и в химической промышленности, что было особенно важно для Франции, конкурировавшей в этой сфере с Германией. Также советская делегация предлагала взаимовыгодное сотрудничество в нефтяной отрасли.

В своем письме посол Франции неоднократно возвращался к тому, что французской промышленности очень важен советский рынок, тем более что конкуренты Франции уже были там. Соответственно, необходимо продолжать переговоры с Москвой, даже несмотря на то, что советские предложения по выплате долга были ниже французских ожиданий. Жан Эрбетт отмечал, что Москва скорее всего согласилась бы на увеличение выплат по долгу, если удалось бы прийти к компромиссу по вопросу кредита. Также посол пишет, что в случае успеха Парижской конференции Москва перестала бы вести идеологическую пропаганду против Франции, как это произошло по отношению к Германии после Рапальского договора 1922 г.²⁹

Французский посол также отметил, что советская делегация перед возобновлением конференции была настроена пессимистично. Французские кредиторы не хотели изменения правового характера долга, Москва же не могла согласиться на отмену декретов об аннулировании долгов. Все это создавало очевидные проблемы для французской делегации, и в Москве опасались, что Париж будет искусственным образом затягивать переговоры. В то же время в Москве считали, что Великобритания будет оказывать давление на Францию с целью не допустить успеха Парижской конференции. Жан Эрбетт в своем письме особо отмечал, что для интересов Франции успех Парижской конференции очень важен и надо сделать все для достижения итогового результата³⁰. Отметим также, что еще одним негативным событием для Москвы стала смена правительства во Франции. Вместо потерявшего власть Левого блока, конструктивно настроенного по отношению к Москве,

²⁷ Ibid. № 1. Séance plénière du 19 mars 1927.

²⁸ Ibid. Télégramme de Jean Herbet № 165. 5 mars 1927.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

23 июля 1926 г. к власти во Франции пришло правое правительство Национального объединения во главе с Раймоном Пуанкаре. Пуанкаре изначально был настроен более требовательно к Москве³¹, соответственно, в будущем речь могла идти об изменении условий переговоров со стороны французской делегации.

Конференция возобновилась 19 марта 1927 г. На первом пленарном заседании с речью выступил Раковский. Как и на переговорах летом 1926 г., он подтвердил готовность Москвы в течение 62 лет выплачивать аннуитет в размере 60 млн золотых фр. с прогрессией, но при условии предоставления Москве кредитов. В своей речи глава советской делегации не упомянул про режим наибольшего благоприятствования для Франции в торговле, хотя это было важно для французской стороны. Впоследствии, в течение марта и апреля 1927 г. никаких значимых новых предложений не последовало ни от Москвы, ни от Парижа³².

В мае 1927 г. переговорный процесс заметно осложнился из-за советско-британского кризиса и разрыва дипломатических отношений между Москвой и Лондоном. Как и опасался посол Франции в СССР, британский фактор стал влиять на ход Парижской конференции. Заместитель руководителя французской делегации Виктор Далбье в специальной справке от 19 июля 1927 г. писал, что Франция находится в сложной ситуации. Германия и Италия в британо-советском конфликте заняли позицию нейтралитета и не планируют разрывать дипломатические отношения с Москвой, что уже, по мнению Далбье, говорило об отсутствии единства среди западных стран. Но Германия и Италия к тому времени уже установили с Москвой не только дипломатические отношения, но и заключили торговые договоры. Парижу же только предстояло заключить торговые соглашения с Москвой, причем еще и с предоставлением советской стороне кредитов. Далбье особо подчеркивал, что на момент начала Парижской конференции в 1926 г. общественное мнение во Франции было настроено позитивно, но после советско-британского обострения ситуация изменилась. Французская пресса требовала разорвать дипломатические отношения с Москвой, начались постоянные призывы к отмене конференции. Он писал: «Невозможно сегодня представить, что крупная финансовая организация во Франции или в другой стране предоставит Москве серьезные обязательства на промышленные товары на долгосрочной основе, а именно это и есть условие Москвы для выплаты долгов, и этот факт доминирует над всеми остальными»³³. При этом Далбье отмечает, что хороших решений для Парижа в этой ситуации не осталось: прекращать переговоры в ситуации, когда стороны почти пришли к компромиссу по ряду ключевых вопросов, было бы непродуктивно, а продолжать их в сложившихся условиях означало бы занять конкретную политическую позицию, что было бы негативно воспринято французским обществом.

Интересно, что советско-британский конфликт Далбье называет «проявлением традиционного антагонизма»³⁴ между Великобританией и Россией и добавляет, что если бы существовала не советская, а буржуазная Россия, то конфликт наверняка был бы еще более серьезным. Он также отмечает, что Франция не заинтересована на самом деле в смене режима в СССР, поскольку советское государство, хотя и ослабло, остается силой противовеса в Европе. Более того, советский режим он называет стабильным: «...крестьяне, которые были неблагосклонно настроены к коммунизму, ничего не делают для смены режима из-за боязни возвращения прежних хозяев. Рабочие и городская молодежь привержены коммунизму. Исчезновение буржуазии лишает контрреволюционное движение потенциальных лидеров»³⁵.

³¹ Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В. Указ. соч. С. 270.

³² AMAE. Conférence franco-soviétique de Paris. 1926—1927. № 1. Note sur les négociations franco-soviétiques depuis le mois de juillet 1927. 15 octobre 1927.

³³ Ibid. № 1. Note sur l'attitude à adopter pour la suite des pourparlers franco-soviétiques. 19 juillet 1927.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibidem.

В связи со сложившейся ситуацией Далбье писал, что французская тактика должна заключаться в том, чтобы не разрывать переговорный процесс, но и не продвигать его вперед (*ni rompre, ni négocier*)³⁶. По сути, речь шла о затягивании переговоров до очередного перерыва в работе конференции. В тактическом смысле он предлагал осуществить вербальный демарш перед советской делегацией и заявить, что в конфликте Москвы и Лондона Франция занимает благожелательный по отношению к Великобритании нейтралитет, что означало невозможность продолжения переговоров по предоставлению Москве кредитов в прежнем режиме. Соответственно, по мнению Далбье, советская делегация должна была сделать заметный шаг вперед на переговорах: отмена декретов об аннулировании долгов и отказ от вмешательства во внутренние дела других стран, т.е. речь шла о возвращении к повестке конференции в Генуе в 1922 г.³⁷, хотя до этого в течение двух лет переговоров французская сторона не выдвигала подобных требований.

30 июня 1927 г. руководитель советской делегации Раковский написал письмо своему французскому визави, в котором выразил недоумение тем фактом, что после 19 марта 1927 г. не состоялось ни одного пленарного заседания конференции, т.е. по сути она была прервана, хотя, по мнению советской делегации, объективных предпосылок к этому не было. Раковский отметил, что еще в 1926 г. позиции сторон сблизились по основным вопросам и, таким образом, можно было надеяться, что в 1927 г. конференция придет к своему логическому завершению. По вопросу долгов удалось согласовать длительность выплат и договориться о размерах годовых платежей. Оставалось только окончательно согласовать размер годовых выплат в первые несколько лет и договориться о режиме наибольшего благоприятствования между Москвой и Парижем. В вопросе кредитов также был достигнут прогресс. Раковский упоминает, что в кулуарных разговорах обе делегации согласились, что компромисс очень близок. Заканчивается же письмо призывом к «немедленному возобновлению переговоров с целью достижения позитивного результата не только в интересах двух делегаций, но и общественного мнения двух стран»³⁸. Отметим, что никаких новых предложений в письме Раковского не было.

Официальный ответ от французской делегации пришел 26 июля 1927 г. Монзи поблагодарил Раковского за его стремление к достижению взаимного успеха на переговорах и подтвердил, что, действительно, некоторого прогресса в ходе переговоров удалось добиться. Однако глава французской делегации отметил, что на тот момент «еще не все необходимые условия для согласия были найдены»³⁹. В конце своего письма Монзи предложил вернуться к обсуждению всех важных вопросов после каникул⁴⁰. Иными словами, глава французской делегации реализовывал уже упомянутую выше тактику затягивания переговоров (*ni rompre, ni négocier*).

На следующий день, 27 июля 1927 г., Далбье в письме, адресованном премьер-министру Франции Р. Пуанкаре, вновь подтвердил, что в дальнейшем успех на переговорах возможен только в случае согласия Москвы на невмешательство во внутренние дела других стран и признание долгов Российской империи и Временного правительства. Он особо отметил, что календарь благоприятствует французской стороне, поскольку в скором времени должен был состояться объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), в повестке которого были в том числе и внешнеполитические вопросы⁴¹.

После получения официального ответа от французской делегации Раковский встретился с Монзи. Он поставил в известность французского коллегу о своем скором отъезде

³⁶ Ibidem.

³⁷ Хормач И.А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля – 19 мая 1922 года // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 80–106.

³⁸ AMAE. Conférence franco-soviétique de Paris. 1926–1927. № 1. Délégation de l'U.R.S.S. en France. 30 juin 1927.

³⁹ Ibid. Lettre de M. de Monzie. 26 juillet 1927.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibid. Lettre de M. Dalbiez. 27 juillet 1927.

в Москву для участия в пленуме и о том, что собирается получить от советского руководства согласие на французские требования о размере годовых выплат долга в сумме 60 млн золотых фр. без прогрессии в течение 62 лет и на режим наибольшего благоприятствования с Францией. Французская идея о возвращении к требованиям по отмене советских декретов и прекращении коммунистической пропаганды на тот момент не была официально озвучена французской делегацией, поэтому она не обсуждалась на встрече Раковского и Монзи. Однако подобное намерение французской стороны заранее делало бесперспективным возвращение Раковского в Париж.

17 августа 1927 г. Раковский вернулся в Париж и сообщил Монзи, что Москва согласна выплачивать долги в течение 61 года (раньше речь шла про 62 года) с размером годового платежа в 60 млн золотых фр. без прогрессии (ранее выход на сумму в 60 млн планировался только через 20 лет после начала платежей). Москва согласилась на режим наибольшего благоприятствования с Францией. Также Раковский сказал, что выплата долгов возможна при условии предоставления Москве кредита на 120 млн долл. на 6 лет, вся эта сумма должна была быть реализована в виде закупок во Франции⁴². В целом, Москва почти полностью согласилась на те французские условия, которые были сформулированы Парижем на переговорах в 1926 г. и в начале 1927 г., т.е. до обострения советско-британских отношений и роста антисоветских настроений во Франции. Монзи на предложения Раковского ответил, что советская позиция стала ближе к французской, однако заметил, что советские предложения в своей совокупности «не соответствуют программе, выработанной в конце июля 1927 г. и не дают никакой надежды на достижение положительного результата в ближайшее время»⁴³. Особо он отметил, что «прямая связь между урегулированием долгового вопроса и предоставления кредитов со стороны Франции»⁴⁴ не дает шансов на успех конференции, хотя ранее в течение двух лет эти вопросы обсуждались параллельно и был достигнут значительный прогресс.

В середине сентября 1927 г. французская сторона передала Раковскому новые предложения, которые по мнению Парижа могли бы разблокировать переговорный процесс. Суть их заключалась в разведении по времени темы долгов и кредитов. Прежде всего начались бы выплаты по долгам, а между первой и второй годовой выплатой можно было бы начать предоставлять кредиты СССР. В договоре кредиты прописывались как «оговорка о пересмотре льгот для СССР»⁴⁵. Такой подход был очень выгоден для французской стороны. Париж получал урегулирование долгового вопроса и закрепление на советском рынке благодаря выданным кредитам. Более того, этот вариант не требовал ратификации в парламенте, что было бы очень сложно для французского правительства в сложившейся тогда ситуации. Однако такое решение проблемы не было компромиссным и не учитывало изначальную позицию Москвы, для которой весь смысл переговорного процесса был в немедленном получении кредитов для стабилизации экономической ситуации в стране. В итоге СССР занял жесткую позицию и отверг французские условия, отметив, что по-прежнему настаивает на своих предложениях от 17 августа 1927 г.

Ситуация тем временем продолжала ухудшаться. Находясь в Москве в августе 1927 г., Раковский стал одним из заметных участников так называемой объединенной оппозиции и подписал заявление 13 деятелей оппозиции от 8 августа 1927 г., в котором было заявлено о «поражении всех буржуазных правительств, воюющих против СССР» и содержалось требование, чтобы «каждый честный пролетарий капиталистической страны активно работал для поражения “своего” правительства»⁴⁶. Во французской прессе все это было истолковано как призыв к дезертизму со стороны Раковского. В сложившихся условиях, очевидно, продолжать переговоры было очень сложно. В Москве, учитывая

⁴² Ibid. Note. Négociations franco-soviétiques depuis le mois de juillet 1927.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В. Указ. соч. С. 331.

оппозиционные выступления Раковского, ему также больше не доверяли. В итоге в сентябре 1927 г. Парижская конференция была прервана и больше не возобновлялась.

В целом документы, хранящиеся в архиве МИД Франции, показывают, что и Москва, и Париж серьезно относились к переговорам в 1926–1927 гг. и были близки к успеху. С самого начала советская сторона обозначила, что вопрос выплаты царских долгов для нее в силу экономического положения в стране неразрывно связан с предоставлением кредитов СССР. Французская делегация, хотя и не признавала связи между двумя этими вопросами, была готова обсуждать их параллельно и показывала реальную заинтересованность и в урегулировании долгового вопроса, и в предоставлении кредитов, поскольку это позволило бы французской промышленности закрепиться на советском рынке. Советская сторона в ходе переговоров постепенно приближала свои предложения к французским требованиям и в итоге, по сути, согласилась с ними. Однако возникший в 1927 г. советско-британский кризис и разрыв дипломатических отношений между Москвой и Лондоном повлияли на распространение антисоветских настроений в Париже. Французская делегация стала выдвигать дополнительные требования к Москве (отмена декрета об аннуляции царских долгов, отказ Москвы от вмешательства во внутренние дела других стран, разведение по времени вопросов о долгах и кредитах), что было неприемлемо для советской стороны и привело к провалу переговоров.

Таким образом, в 1927 г. Франция в основном из-за внешних факторов отказалась от урегулирования вопроса о долгах Российской империи, хотя это было важно для французских граждан, активно вкладывавших свои сбережения в российские ценные бумаги до 1917 г. Частичное урегулирование вопроса произошло уже после распада СССР, когда не осталось в живых никого из изначальных держателей долга, а сумма, выплаченная в итоге Российской Федерацией, оказалась гораздо меньше того, что предлагала советская сторона в 1926–1927 гг.

Библиография

- Раздорский Е.А. «Русские займы» во Франции: история размещения и текущее состояние дел // Современная научная мысль. 2016. № 1. С. 18–24.
- Хейфец Б.А. Внешние займы и долги царской России: история и современная ситуация // Россия и современный мир. 2002. № 1 (34). С. 85–107.
- Хормач И.А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля – 19 мая 1922 года // Новая и новейшая история. 2020. №3. С. 80–106.
- Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В. Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М., 2014.
- Straus A. Les négociations franco-soviétiques sur les emprunts russes // Les crises de la dette publique. Sous la dir. Gérard Béaur et Laure Quennouëlle-Corre. Paris, 2019. P. 317–344.

References

- Chernyavskiy G.I., Stanchev M.G., Tortika (Lobanova) M.V. Zhiznennyy put' Khristiana Rakovskogo. Yevropeizm i bol'shevizm: neokonchennaya duel' [Life path of Christian Rakovsky. Europeanism and Bol'shevism: an unfinished duel]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Khayfets B.A. Vneshniye zaymy i dolgi tsarskoy Rossii: istoriya i sovremennaya situatsiya [Foreign loans and debts of tsarist Russia: history and current situation] // Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the modern world]. 2002. № 1 (34). S. 85–107. (In Russ.)
- Khormach I.A. Sovetskoye gosudarstvo na mezhdunarodnoy konferentsii v Genuye po ekonomicheskim i finansovym voprosam. 10 aprelya – 19 maya 1922 goda [The Soviet state at the international conference in Genoa on economic and financial issues. April 10 – May 19, 1922] // Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and contemporary history]. 2020. № 3. S. 80–106. (In Russ.)
- Razdorskiy Ye.A. "Russkiye zaymy" vo Frantsii: istoriya razmeshcheniya i tekushcheye sostoyaniye del ["Russian loans" in France: the history of the placement and the current state of affairs] // Sovremennaya nauchnaya mysl' [Modern scientific thought]. 2016. № 1. S. 18–24. (In Russ.)
- Straus A. Les négociations franco-soviétiques sur les emprunts russes // Les crises de la dette publique. Sous la dir. Gérard Béaur et Laure Quennouëlle-Corre. Paris, 2019. P. 317–344.